

Комната, изначально обставленная просто, теперь казалась ещё более пустой. Лишь путуан на кровати, а также чернильница и разбросанные бумаги на столе у окна свидетельствовали о том, что здесь кто-то жил.

Из-за пустоты в помещении всё было видно как на ладони. Ли Циюй внимательно осмотрел комнату, но не обнаружил ничего подозрительного, решив, что его постоянная бдительность на границе сделала его слишком подозрительным.

Он отвёл взгляд и снова посмотрел на волчонка на кровати, снова погладив его по голове.

Волчонок наклонил голову, смотря на отца с недоумением, не понимая, почему обычное «приветственное поглаживание» повторилось дважды. Но его внимание быстро сосредоточилось на Ли Циюе, и он перестал думать о чём-либо другом.

В этот момент Ли Циюй заметил древний нефрит на путуане и подумал, что это тот самый камень, который оставил Линь Яньхун для Цзинчэна. Он хотел взять его, чтобы рассмотреть.

Но волчонок заметил его намерение и тут же побежал к нефриту, упав на путуан своим пухленьким животиком, чтобы закрыть его. Затем он начал издавать звуки «ау-у», словно говоря: «Это моё, даже отец не может трогать!»

Ли Циюй: «...»

Уже слышав от теневого стража и наставника Уцзюэ, Ли Циюй знал, что Цзинчэн очень сблизился с Линь Яньхуном.

Мальчик не только сохранил секрет, который случайно узнал, но и терпеливо учил Цзинчэна, когда тот был в человеческом облике, читать и писать, сопровождая его в повседневной жизни.

Ли Циюй видел, как его сын тренировался в письме, и это приносило ему утешение, а к Линь Яньхуну он стал относиться с большей симпатией.

Однако из-за их близости, когда Линь Яньхун уехал, Цзинчэн сильно расстроился и до сих пор был в подавленном настроении.

Он считал оставленный нефрит своим сокровищем и охранял его, не позволяя никому прикасаться.

Теперь, увидев это своими глазами, Ли Циюй понял, что Линь Яньхун занял важное место в сердце Цзинчэна.

За десять лет трудного взросления сына Ли Циюй редко видел, чтобы он так сильно к чему-то привязывался, что вызывало у него одновременно восхищение и тревогу.

Когда у человека появляется что-то, что он хочет, он становится сильнее и быстрее растёт... Это, конечно, положительный момент.

Но наличие «любимой вещи» также означает, что в сердце появляется «слабое место», которое может стать уязвимостью, если враги заметят её.

У самого Ли Циюя была такая «слабость», поэтому он хорошо понимал все риски.

Перед лицом того, кто находится в Тяньду, он всегда был в более пассивной позиции, и только на далёких полях сражений он мог свободно владеть мечом и действовать так, как считал

нужным.

Но слабость, однажды возникнув, не исчезает сама собой. Ли Циюй, имея эту «слабость», шёл осторожно, всегда начеку.

Он боялся, что Цзинчэн в будущем окажется в подобной ситуации, поэтому, хотя и понимал, что отпустить Линь Яньхуна было рискованно, всё же решил временно разлучить их.

Дети быстро забывают, и, возможно, через несколько месяцев Цзинчэн забудет Линь Яньхуна и свою зависимость от него.

Когда он подрастёт, научится контролировать возвращение души предка и станет более зрелым, он сможет снова встретиться с Линь Яньхуном, но уже не будет столь открытым и уязвимым.

...

Когда наставник Уцзюэ вошёл, Линь Яньхун вышел из суйми-цзецзы.

Хотя видеть малыша было радостно, это было частное время для встречи отца и сына, и Линь Яньхун не хотел вмешиваться в семейные тайны императорской семьи, поэтому решил больше не смотреть на отражение в водоёме.

Там, куда Линь Яньхун не мог видеть, Ли Цзинчэн принял человеческий облик и писал перед Ли Циюем.

Это было задание, которое Линь Яньхун дал малышу, а также копирование буддийских сутр.

Линь Яньхун приложил много усилий, чтобы наследник князя Юй быстрее научился читать и писать.

Хотя его сейчас не было рядом, волчонок всё равно был послушным и, даже в эти печальные дни, как только принимал человеческий облик, брал кисть и упорно тренировался.

«Он хочет быстрее выучить больше иероглифов, чтобы написать письмо Хуну! Ау-у!»

Ли Циюй не знал о мыслях Ли Цзинчэна, но решил, что сын наконец оставил свои шалости и начал серьёзно учиться, что принесло ему большое облегчение.

Однако он, как всегда, оставался сдержанным и не хвалил Цзинчэна, лишь строго сказал:

— Когда ты научишься контролировать возвращение души предка, я научу тебя военной стратегии. Ты — представитель великого рода Лян, и не должен позорить славу предков.

Ли Цзинчэн с недоумением посмотрел на отца — с тех пор, как он себя помнил, Ли Циюй постоянно повторял, что он — представитель великого рода Лян... Это было правдой, но зачем отец так настаивал?

Он не стал долго размышлять, а лишь потёр большой палец о древний нефрит, который держал в левой руке, чувствуя его тёплую и гладкую поверхность, словно Линь Яньхун был рядом.

Ему не нужно было напоминание от Ли Циюя, и он продолжил писать, держа кисть на весу.

Так как Ли Цзинчэн принял человеческий облик вскоре после прибытия Ли Циюя в храм

Хуайинь, уезжать сразу было бы подозрительно. Поэтому они остались до глубокой ночи, когда Цзинчэн снова стал волчком, и Ли Циюй быстро покинул храм с «гостевым» наследником князя Юй, направляясь в округ Пиньфу.

Они ехали не на лошадях, а на каком-то особом «транспорте», поэтому двигались очень быстро.

Хотя Пиньфу находился дальше от горы Ушань, чем Юньян, они прибыли в резиденцию князя Юй примерно в то же время, что и Линь Яньхун в Юньян.

Линь Яньхун случайно увидел эти «огромные создания» через водоём и был поражён больше, чем при виде самого Ли Цюя.

Он сдержал свой страх и решил навсегда сохранить увиденное в тайне, как будто ничего не знал.

...

Управляющий резиденции Линь с нетерпением ждал у северных ворот города. Солнце уже клонилось к закату, и ворота скоро должны были закрыться, а они всё ещё не видели повозку молодого господина, что вызывало у него раздражение.

В этот момент один из слуг, выглянув, радостно воскликнул:

— Управляющий Го, это наша повозка! Молодой господин вернулся!

Го Сян, услышав своё имя, сначала испугался, но, поняв вторую часть фразы, обрадовался.

«Повозка молодого господина прибыла до наступления темноты, так что нам не придётся ждать до завтра...»

Он поспешил навстречу, сначала поговорил с управляющим из сопровождающих, а затем подошёл к повозке Линь Яньхуна и с поклоном сказал:

— Молодой господин, я — Го Сян, управляющий резиденции. Старший господин велел мне встретить вас. Вы устали после долгого пути.

Линь Яньхун, услышав этот знакомый голос, на мгновение замер, но затем вспомнил, что в это время Го Сян ещё не занял место Чжан Цюаня, бывшего управляющего, оставленного прадедом.

Однако он не забыл, как Го Сян стал прислужником Линь Тунши и госпожи Чжэнь, сговорившись с Чжун Минцзе, чтобы навредить ему!

Го Сян, произнеся свои слова, согнулся в поклоне, но не получил ответа. На глазах у всех его улыбка оставалась неизменной, но внутри он почувствовал раздражение.

Он был сыном слуги, его отец также был управляющим, а мать — служанкой прабабушки. Однако из-за конфликта с Чжан Цюанем его семья никогда не получала высоких должностей.

После смерти прадеда Чжан Цюань оставался главным управляющим, но не пользовался доверием старшего господина Линь Цюндэ и в последние годы терял позиции. Многие стремились занять его место, и Го Сян был одним из них.

Его отец действовал за кулисами, а сам Го Сян работал в восточном и южном дворах, где жили

молодые господа.

Он давно понял, что в этой резиденции всё решают старший господин и госпожа, а Линь Фэн, хотя и был их сыном, в сердце Линь Тунши, вероятно, не значил больше, чем госпожа Чжэнь, дальняя родственница и наложница.

<http://bllate.org/book/17693/1651341>